

Предисловие к письмам Г. Плеханова к Ф. Энгельсу и Р. Фишеру.

Письма Г. Плеханова к Ф. Энгельсу, которые мы печатаем ниже, имеют большое значение, как новый материал для биографии основоположника русского марксизма и истории его личных отношений к одному из творцов научного социализма.

Они представляют огромный интерес и для истории первых организационных и тактических разногласий в среде русской революционной социал-демократии. Как видит читатель, они бросают свет на некоторые, остававшиеся до сих пор совершенно неизвестными или темными страницы в истории русского и польского революционного социал-демократического движения.

Плеханов познакомился с Энгельсом сейчас же после Парижского Международного Конгресса в июле 1889 года, когда он совершил, вместе с Аксельродом, поездку в Лондон ¹⁾.

Первое письмо Плеханова к Энгельсу, имеющееся в нашем распоряжении, относится к марту 1893 года. Из него видно, что в течение 3½ лет, прошедших после их личного свидания, они не переписывались. Сношения с Энгельсом поддерживались Верой Засулич, которая и раньше служила главным представителем группы „Освобождение Труда“—как до ее окончательного оформления, так и после нее—в переговорах с Марксом и Энгельсом. Последний еще в 1890 г. написал специально для русских товарищей статью „О внешней политике русского царизма“, которая напечатана была в „Социал-Демократе“.

Из первого письма мы узнаем, что известные „Очерки по истории материализма“ предназначались сначала для „Neue Zeit“ и, вероятно, только потому, что разраслись далеко за пределы нормальной статьи, вышли отдельными изданиями.

¹⁾ „В 1889 г. я, побывав на Международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие, в продолжение почти целой недели, вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы“. Ст. „Бернштейн и материализм“—Сочинения, т. XI, стр. 21—22.

Алексей Михайлович Воден, о котором пишет во втором письме Плеханов, приехал за границу летом 1892 г. Конец лета и осень он провел в Морне в департаменте Верхней Савойи, куда Плеханов переехал после высылки из Женевы. „Нас сблизили, — пишет нам А. М. Воден, — философские интересы, и наши разговоры касались преимущественно философских тем. Георгий Валентинович очень интересовался тогда восстановлением деталей философских взглядов Маркса и Энгельса в этот период, когда они были *im Werden*, и подчеркивал важность философских произведений Маркса и Энгельса, относящихся к этой, столь плодотворной, эпохе. Когда весной 1893 года я поехал в Лондон, Г. В. дал мне рекомендательное письмо к Энгельсу“.

Третье письмо, от которого сохранилась только заключительная часть, писано, по всей вероятности, в апреле 1894 года, как видно из писем Плеханова к Рихарду Фишеру, которые мы печатаем в этой же книжке. Свою рукопись „Анархизм и социализм“ он отослал в Берлин в начале апреля и только после этого узнал, что ее будет переводить на немецкий язык (с французского) Эдуард Бернштейн.

Статья Н. Михайловского, о которой упоминает Плеханов, напечатана была в „Русском Богатстве“, в январской книжке 1894 года¹⁾. Против цитируемого места Плеханов полемизирует в своем ответе Михайловскому²⁾. Он, однако, ошибался, думая, что известное письмо Маркса было адресовано редактору „Вестника Европы“. В действительности оно было адресовано редакции „Отечественных Записок“.

Мы долго колебались, следует ли опубликовать уже теперь 4-е письмо Плеханова. Правда, почти все упоминаемые в нем лица умерли; не только сам Плеханов, но и те, против которого он направляет свои нападки. Но в письме проскальзывает такое острое чувство озлобления против Розы Люксембург и Льва Иогихеса, всей своей жизнью и трагической смертью доказавшим свою безграничную преданность делу пролетариата, что только с большим трудом побеждаешь неприятное чувство. Письмо представляет яркое свидетельство, до каких размеров может доходить фракционное озлобление и какой слепотой оно поражает даже очень проникательных людей.

К сожалению, история группы „Социал-Демократической Библиотеки“, а также первых шагов „Социал-Демократической партии Польши и Литвы“, очень мало известна. Мы вынуждены со своей стороны ограничиться только несколькими замечаниями, надеясь, что очень немногочисленные участники этих событий, еще оставшиеся

1) Перепечатана в сборнике его статей под названием „Литературные воспоминания и современная смута“, том II, стр. 232—274.

2) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, — Сочинения, том VII, стр. 241—242.

в живых (со стороны поляков—Варский и Мархлевский, со стороны русских—П. Аксельрод, Л. Аксельрод-Ортодокс, Блюменфельд), делают все необходимые дополнения. Мы пока ограничиваемся немногими замечаниями.

Группа „Социал-Демократической Библиотеки“ является первой „оппозицией“ группе „Освобождение Труда“, которая успела отлиться в форму особой агитационно-издательской группы со своим особым центром. Ей предшествовали другие оппозиционные группировки или течения, но они не выходили за пределы „устной традиции“ и ограничивались конфликтами между группой „Освобождение Труда“ и ее „периферией“ в самой Швейцарии.

Первый конфликт относится уже к зиме 1887—1888 гг. Во главе „оппозиции“ стояли Соловейчик и Слепцова. „Молодые“ товарищи требовали для себя известных прав как в области организационной, так и в области литературно-издательской. Насколько мне известно из рассказов, „молодые“ требовали, чтобы литературе для рабочих отводилось и больше средств, и больше места. Среди изданий группы „Освобождение Труда“ организация первого русского „Социал-Демократического Союза“, несомненно, явилась уступкой требованиям „молодых“. Сам Соловейчик уехал в Россию, где очень скоро был арестован. После трехлетнего заключения в „Крестах“, тяжело отразившегося на его психике, он был освобожден и кончил жизнь самоубийством.

К первой оппозиции принадлежал и Парвус, приехавший в Швейцарию еще осенью 1887 года и принявший после очень деятельное участие в дискуссии 1888 года.

Вторая оппозиция сложилась после „голодного года“. Ее лидером и организатором был Лев Иогихес, он же Грозовский, он же Тышко, расстрелянный немецкими палачами в тюрьме в марте 1919 года.

Я познакомился с Грозовским в декабре 1890 года в Цюрихе. Он только что бежал из России. Не потому, что хотел „уклониться от неприятностей военной службы“, как пишет Плеханов, забывший, что его ближайший друг, Лев Дейч, тоже был военным дезертиром. Сильно скомпрометированный, он, только благодаря своим конспиративным навыкам, не был привлечен вместе со многими виленскими товарищами к процессу первомайцев 1887 года (Ульянова и др.). Народоволец, тесно связанный с польскими „пролетариатами“, он уже был в значительной степени заражен марксизмом. При поступлении на военную службу он, как это тогда практиковалось, был несомненно послан в Среднюю Азию с особым „волчьим паспортом“. Он потому предпочел уехать за границу, чтобы поработать над своим еретическим развитием и затем вернуться назад для нелегальной

работы. Я помню хорошо, как он корпел над Рикардо и Марксом, принимая в то же время самое деятельное участие в делах тогдашней Цюрихской колонии, членами которой являлись многие способные студенты и студентки, в том числе Роза Люксембург, Х. Раковский, Юлий Мархлевский и др. Когда между мною и Плехановым возникло крупное недоразумение, посредником между нами выступил Грозовский. Второй раз мы встретились летом 1891 года на Фирвальшtedтском озере в Веггисе, где жили тогда Парвус и Люксембург. Помню хорошо, как Грозовский доказывал мне необходимость „помириться“ с Плехановым. Я скоро после того уехал в Россию и встретился с Грозовским много лет спустя, когда он уже ушел из русского движения.

Некоторые данные о том, что происходило после 1891 года, мы находим в статье Ю. Мархлевского ¹⁾:

„Очутившись в Швейцарии, он вошел в сношение с Плехановым, но скоро с ним разошелся. Это было время, когда в кругах русской социал-демократии господствовали очень неприглядные отношения. В России движение только нарождалось; в эмиграции Плеханов хозяйничал по собственному усмотрению. Кто не ладил с ним лично, тот попадал в опалу и за ним оспаривали право называть себя социал-демократом. Тов. Иогихес был не из покладистых и не пожелал подчиняться такому режиму. С ним скоро сошлись другие члены эмиграции и решили действовать самостоятельно. Самым насущным был вопрос о революционном издательстве; и эмиграционная молодежь, и рабочие кружки в России страшно нуждались в литературе. Иогихес располагал довольно большими средствами и, собрав кружок сотрудников (Кричевский, Рязанов, Парвус), приступил к издательству „Социал-Демократической Библиотеки“. Тут сразу сказались его организационные способности. Сам он не писал, но редактором был образцовым, до педантизма аккуратным; книжки библиотеки издавались великолепно, хорошо был поставлен и транспорт“.

Тов. Мархлевский ошибается. Я в то время сидел уже в „Крестах“ и не имел никакого отношения к „Социал-Демократической Библиотеке“. Это lapsus memoriae, объясняющийся тем, что тов. Мархлевский знал от Грозовского о его знакомстве со мной и предполагавшейся совместной работе. О всем этом эпизоде я узнал только в 1900-м году, когда опять, после многих лет тюрьмы и ссылки, попал за границу.

Верно только, что Грозовский рассчитывал на литературное сотрудничество Парвуса и Кричевского. Но первый, уже обративший на себя внимание статьями в „Neue Zeit“ о Бем-Баверке и в „Vor-

¹⁾ „Памяти Розы Люксембург и Льва Иогихеса“, — „Коммунистический Интернационал“ 1919 год, № 3.

warts'e" о голоде в России, в действительности не принял никакого участия в работе новой группы. Он поместил только, под фамилией Игнатьева, в „Neue Zeit“ подробный реферат о первомайских речах виленьских рабочих, вышедших в издании „Социал-Демократической Библиотеки“. С 1894 года он окончательно перешел в ряды немецкой социал-демократии. Только после приезда „молодых“ — Ленина, Мартова, Потресова — он принял впервые участие в литературных органах российской социал-демократии.

Главным литературным работником группы был Борис Наумович Кричевский (умер в Париже в 1919 году). Ему принадлежат изданные группой переводы Маркса („Наемный труд и капитал“, „18-е Брюмера“) и Каутского („Эрфуртская программа“), а также две популярные брошюры („Борьба английских рабочих за свободу“ и „Как бельгийские рабочие боролись за свободу“).

Среди литературных заявлений этой группы нет ни одного, на основании которого можно было бы судить, какие принципиальные или тактическое разногласия отделяли ее от группы „Освобождение Труда“. Подбор изданий свидетельствует лишь о том, что группа действительно неуклонно проводила свой план издания пропагандистской библиотеки для рабочих.

Но у самого Плеханова мы находим указание и на тактические разногласия в связи с голодом 1891—1892 года. Оно устанавливает связь между заграничной „оппозицией“ и теми оппозиционными голосами, которые раздавались в самой России против взглядов, развивавшихся Плехановым как в его статье „Всероссийское разорение“, так и в „Письмах о задачах социалистов в борьбе с голодом в России“.

Во „Всероссийском разорении“ Плеханов выставил следующие три ближайших требования:

1) Немедленно найти средство для продовольствия сорокаmillionного населения пострадавших от неурожая губерний и для помощи рабочему классу, бедствующему от причиненной неурожаем безработицы.

2) Помочь русскому крестьянству восстановить свое земледельческое хозяйство, в конец разоренное многовековым грабежом, практиковавшемся помещиками и царскими чиновниками.

3) Сверху донизу переделать нашу финансовую систему, всю своей тяжестью лежавшую до сих пор на спине крестьянина.

Именно для осуществления этих требований, должны были, по мнению Плеханова, „все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, немедленно начать агитацию в

пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т.-е. положить основы нового общественного порядка в России“.

Эта постановка вопроса вызвала целый ряд недоразумений в социал-демократической среде. Кое-какие указания на это мы находим в названных нами выше „Письмах“, в которых Плеханов сделал попытку обосновать свой взгляд более подробно:

„В моей статье „Всероссийское разорение“ некоторые увидели отказ от прежней социал-демократической программы и не то поворот, не то отступление в сторону „чистой политики“, политики свободной от примеси невозможного теперь „социализма“.

„Когда в статье „Всероссийское разорение“ я писал, что все честные русские люди, т.-е. все те, которые не продали царю своей совести и которые не хотят, по выражению поэта, в роковое время позорить гражданина сан, должны агитировать в пользу созвания Земского Собора, мысль об отказе от классовой борьбы была от меня дальше, чем когда бы то ни было. И если, как мне пишут из России, некоторые молодые товарищи с неприятным для них удивлением увидели в названной статье именно эту мысль, то остается только пожалеть, что предлагаемые письма не вышли раньше“.

В post scriptum'e к „Письмам“ Плеханов цитирует еще одно заявление русских товарищей, показывающее, что статья „Всероссийское разорение“ была „плохо истолкована русскими читателями“.

„Как вы думаете достичь поставленных себе задач, вроде сбора трехсот миллионов рублей, которых не даст Вышнеградский?—спрашивает меня живущий в России читатель,—или что вы понимаете под восстановлением разоренного крестьянского хозяйства?—на каких началах: мелкого землевладения или общины? Тогда—как согласить это „с нашими разногласиями“?

К чему сводились разногласия Плеханова с Иогихесом и его товарищами, теперь сказать трудно. Но несомненно, что группа молодых имела все основания протестовать против той формулировки, которую взгляды Плеханова нашли в статье „Всероссийское разорение“ и которую он поспешил исправить в своих „Письмах“.

Но к разногласиям по вопросу о голоде прибавились и разногласия по польскому вопросу. Из письма Плеханова мы узнаем теперь, что ему была прекрасно известна роль, которую играл Иогихес в деле организации Польской Социал-Демократической Партии. Борьба между польскими марксистами и Польской Социалистической Партией началась незадолго перед Цюрихским Международным конгрессом.

Опираясь на старое требование Маркса и Энгельса,—необходимость восстановления старой Польши,—Польская Социалистическая Партия, в которую вошли в очень небольшом количестве предста-

вители старого „Пролетариата“ и в очень большом количестве польские буржуазные националисты, прикрывавшиеся социалистической фразеологией, заняла сейчас же позицию, крайне вредную для интересов русского рабочего движения. В то время, как польские социал-демократы отстаивали с самого начала необходимость тесной солидарной борьбы польского и русского пролетариата против царизма, польские социалисты употребляли все усилия, чтобы дискредитировать или свести совсем на-нет успехи молодого русского рабочего движения. Эта тактика через несколько лет вынудила и Плеханова порвать с лидерами Р. Р. С.

А пока на Цюрихском конгрессе — в 1893 году Плеханов поддерживал Р. Р. С. Его показанию в письме к Энгельсу необходимо теперь противопоставить показания тов. Мархлевского:

„Варшавские рабочие прислали мандат мне, заграничные группы дали мандаты Розе Люксембург и тов. Варскому. Против нас повели бешеную кампанию вожаки Р. Р. С.,— кампанию, в которой они прибегли к гнуснейшему средству, выдвинув против тов. Варского заведомо ложное обвинение, что он „русский агент“. Так как среди них были люди, давно поддерживавшие хорошие отношения с вождями Интернационала—с Энгельсом, Вильгельмом Либкнехтом и др.,—то им легко было представить дело в таком виде, что мы, мол, являемся кучкой интриганов, нарушающих единство польского социализма. Несмотря на блестящую речь Розы Люксембург, опровергавшую эту ложь, конгресс решил не признать мандатов ее и тов. Варского. Очень неблагоприятную роль сыграл в этом деле Плеханов: он был хорошо знаком с польскими делами, и достаточно было одного слова этого популярного в Интернационале человека, чтобы изобличить интригу, но он предпочел молчать и потом признался, что ему неловко было „итти против мнения старика Энгельса“.

Тов. Мархлевский вполне прав, указывая, что Плеханов в этом деле играл решающую роль. За признание мандата Люксембург высказалось такое значительное число делегатов, что Бюро уже готово было допустить ее. При голосовании по национальностям семь высказалось за, девять—в том числе Плеханов, единственный делегат от России, и Польша—против.

Современному читателю нечего доказывать, что отчет Люксембург о движении в Польше не был ни иезуитским, ни лживым. Наоборот, он является одним из интереснейших документов в истории польского марксизма, показывающих, как рано Люксембург вскрыла буржуазный характер всей программы Р. Р. С.

Нам, к сожалению, не известна речь Плеханова, произнесенная им по приглашению комитета, в котором, по его собственному признанию, верховодили чистые патриоты более или менее католической окраски.

Нужно прибавить, что если характеристика Иогихеса мало соответствует действительности, то характеристика Кричевского, наоборот, довольно верна. Будущий теоретик „Рабочего Дела“ был плохим революционным практиком и очень легко поддавался различным настроениям.

В пятом письме Плеханов продолжает убеждать Энгельса, чтобы он не давал предисловия к переведенной Кричевским брошюре „Internationales am dem Volksstaat“. Перевод статьи о Ткачеве и послесловие к нему, сделанный В. Засулич, вышел в августе 1894 года ¹⁾. Предисловие написано Плехановым в Морне, в июле 1894 года. Энгельс, как видно, предпочел отказаться совсем от предисловия, которое у него просили обе стороны.

В этом же письме Плеханов, которому из писем Энгельса известно было, какую роль играет Николай Даниельсон, как главный информатор Маркса и Энгельса о России, начинает свою кампанию против „человека, который, при своих знаниях, мог бы дать русской читающей публике нечто лучшее“, но к которому он еще в только что упомянутом предисловии к статьям Энгельса о Ткачеве относится очень мягко.

А Николай—он как раз в это время употреблял все усилия, чтобы убедить Энгельса выступить публично в споре, который завязался в русской легальной литературе в связи с его „Очерками нашего дореформенного общественного хозяйства“. Осторожный Энгельс, продолжая непосредственно убеждать Николая—она в ошибочности некоторых его взглядов, в то же время справляется у Плеханова и других русских марксистов, какую позицию занимает Николай—он в спорах между народниками и социал-демократами.

Обо многих этих вопросах Энгельс мог беседовать с Плехановым, когда последний был выслан в июле 1894 года из Франции и, не имея возможности вернуться в Женеву, уехал в Лондон, где и написал „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. Этими беседами объясняется, вероятно, в немалой степени категорическая просьба Энгельса—в письме к Николаю—оному от 24 ноября 1894 года—ни в коем случае не цитировать его мнения в полемике с П. Струве. „В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской прессе, с моего предварительного согласия, то я не имел бы после этого никакого оправдания в глазах моих русских друзей—здесь и на континенте,—которые настойчиво побуждают меня к деятельному вмешательству в русские споры с целью исправить мнение того или другого писателя по тому или другому пункту“.

1) „Фридрих Энгельс о России“, Женева 1894.

Плеханов продолжал настаивать на этом и после отъезда из Лондона. Энгельс не соглашался. А в начале июня 1895 года уже показались признаки болезни, которая в два месяца положила конец его жизни. Последнее письмо Плеханова—оно писано в начале июня—застало Энгельса уже на смертном одре.

Главные факты из истории рабочего движения начала царствования Николая II теперь слишком хорошо известны, чтобы останавливаться на них. Известны также почти все фамилии, упоминаемые Плехановым. Фрейбергер—врач в Лондоне, женатый на первой жене Каутского, принимавшей деятельное участие в рабочем движении в начале 90-х годов.

Письма Г. Плеханова к Рихарду Фишеру не нуждаются ни в каких комментариях. Фишер заведывал типографией и издательством „Vorwärts“а. Когда-то большой радикал, он с тех пор стал очень умеренным и занимает теперь место на правом фланге немецких социал-демократов.

Д. Рязанов.

Письма Плеханова к Энгельсу.

I.

Дорогой и уважаемый учитель!

Сообщаю Вам адрес, о котором Вы меня просили: Madame Vogtade-Plekhanoff, 5, Rue des Allemands, Genève.

Я счастлив сообщить его Вам и, следовательно, быть вправе ожидать от Вас письма. Если я сам первый не написал Вам, то это объясняется тем, что я не хотел мешать Вам и заставлять Вас тратить время. Я теперь мечтаю о путешествии в Лондон, где я мог бы увидеть Вас и побеседовать с Вами о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда мне удастся осуществить эту мечту. Дни, которые я провел в Лондоне в Вашем обществе, принадлежат к самым счастливым моментам моей жизни. Я подготавливаю теперь ряд статей (для „Neue Zeit“) о Гольбахе, Гельвеции и Марксе, и чем больше выясняются мои мысли по поводу французского материализма XVIII столетия, тем более восторгаюсь я теми страницами, которые Вы написали по этому поводу в Вашем труде „Людвиг Фейербах“ и т. д. Эта брошюра дает внимательному читателю больше, чем могут дать сотни томов, написанных официальными философами, философами ex professo. Мне говорили, что Вы написали несколько доброжелательных слов обо мне Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, то мне не надо лучшей похвалы. Все, чего я бы желал, это быть не совсем недо-